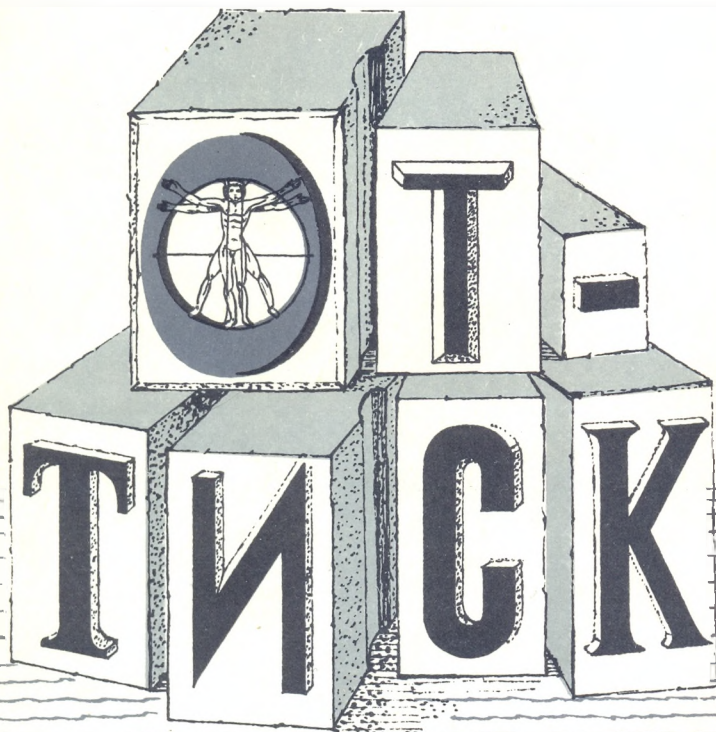
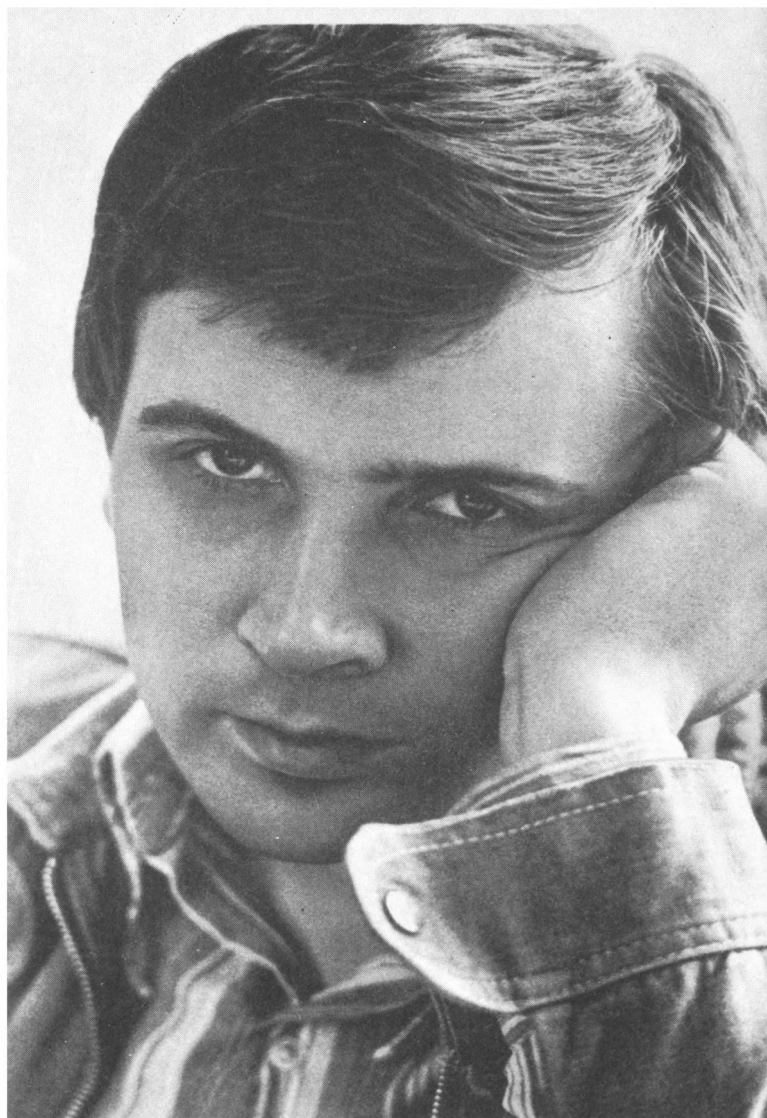

Андрей Чернов

Андрей Чернов

От Тиса

КНИГА СТИХОВ.

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1984

Художник
АЛЕКСЕЙ ТОМИЛИН

Ч49 Чернов А. Ю.
Оттиск: Стихи. — М.: Советский писатель,
1984. — 104 с.

Андрею Чернову — тридцать. Первый его сборник — «Городские портреты» — был издан «Молодой гвардией» в 1980 году. «Оттиск» — вторая книга поэта. В ней — попытка лирического осознания своего времени и себя через «культурный слой» истории, через судьбы людей и сюжеты человеческих отношений.

Ч 4702010200 — 311 234 — 84 P2
083(02) — 84

* * *

Отпадает первый лист —
Начинаем думать мартом.
Отлетает вся листва —
Мы живем уже в апреле.
К середине февраля
Доберемся до июля.
А на май нам будет сниться:
Отпадает первый лист.

* * *

От того, сколько ты простоишь у окна
И просмотришь мне вслед из окна,
Не зависит из будущих бед ни одна,
Из грядущих обид — ни одна.

Так зачем же мне знать, грея естер щекой,
Что, к стеклу прижимаясь щекой,
Из-под самых небес ты мне машешь рукой.
Просто машешь и машешь рукой.

АВИАТОР

Умастив золотым вазелином
Незакрытые части лица,
Авиатор Васильев над Клином
Государство читает с листа.

Точно в сказочке детской,
Над всеми
Он дозорно сидит, высоко.
И ветрами сгущенное время
Нарезает на дольки легко.

И как будто
Прочерчена круто
В параллель горизонту — черта.
И хотя пролетела минута,
Мимо уха летят почему-то
Лихолетья, столетья, лета.

Осторожней, поручик Васильев!
Осторожней, кому говорят!
Ну как этой игры не осилив,
Долбанете сейчас аппарат?

Вашей крепкой машине фанерной
Не по крыльям сия синема:
За бортом год 10-й, трехмерный.
Не сходите, поручик, с ума.

Пахнет облако керосином,
А небесные кочки — золой.
И не надо пророчеств над Клином
И фантазий над бедной землей.

Ну, почудилось...
Ты ж не в убытке,
Рекордист, и кумир, и герой —
Точкой в небе,
Штрихом на открытке,
В юбилейном издании строкой:

Мол, во времени полубылинном,
Ровно в три пополудни часа,
Русский летчик Васильев
Над Клином
Видел город, селенья, леса.

* * *

Все грядущие печали —
На конце карандаша.
Зрит неведомые дали
Дальнозоркая душа.
И тревожимся до срока,
И предчувствуем, когда
Понемногу, издалека
Приближается беда.
А потом острым за чаем.
Интуиция — вранье.
И беды не ощущаем
За мгновенье до нее.

ПИСЬМО

Клянется мичман в верности невесте.
Пылает на пяти полулистах.
В строке «О Боге и о Флотской Чести...»
Бумагу прорывает в двух местах.

Клянется мичман в верности невесте.
Поручик-перлюстратор в штабе флота
Слегка краснеет. (Совесть не из жести.)
Печаткой бьет. (Такая уж работа!)

Летит посланье в голубом конверте.
Несет его амур через Амур.
Клянется мичман в верности до смерти.
В углу конверта штемпель «Портъ-Артуръ».

* * *

Не мигая, как будто в гляделки играя,
Друг на друга глядят два святых Николая.

Один — с крестным знаменем,
Другой — с красным знаменем.

Тот —
Прилежно выписан богомазом
В неподвижности строгой.
Этот — вмиг остановлен
Полковым фотоглазом
Перед дальней дорогой.

Век проходит. Один Николай все темнеет.
А другой — выгорает.
Век проходит. Хозяйка-старуха стареет,
Пыль с обоих стирает.

Но резки и суровы по-прежнему лица.
Бой за землю и небо
В тихой комнате той
Напряженно и немо —
Громыкает, клубится.

КОЛОКОЛЬЧИК С БОНАПАРТОМ

...И столбик с куклой (только — медной),
Скрестившей руки на груди,
Такой величественно бедный,
Что, право, хоть и не гляди;
При шпаге, сюртуке и ленте
(Работа мастера тонка)
Стоит себе на постаменте
Литая ручка от звонка.
Как будто бы совсем не зная,
Что стерся взгляд и даже нос.
Что под ногами — Дар Валдая,
А не монмартровский откос.
Что можно взять за треуголку
И язычком о купол бить.
Трясти без умолку, без толку.
...Умели ж предки не любить.
Необходимо у капрала
Отнять вселенную. Потом
Необходимо из металла
Соорудить его шутом:
«Пусть Бонька позовет Глафиру!
Пусть громче п о з в о н ч и т, злодей!»
И венценосный царь царей
Гремит на целую квартиру.

ДАВНЫМ - ДАВНО

В 59-й

Поздравленье шлем...
(Из нововодней песенки)

I

Ясный день под серой тучкой —
капля высохших морей.
Станешь цифрой-закорючкой
в памяти календарей.
Будешь временем раскатан
в тонкий блин — газетный лист.
Жди историка, пылись,
на архивной полке спрятан.
Почему ты не погас
в час, когда окно погасло?
В твой огонь
который раз
кто-то подливает масло.
И мерцает вдалеке
ратное воспоминанье:
крепость снежная в тумане
и снежок в моей руке.

II

В «Уране» — фильмы о войне.
И интонация металла
над репродуктором витала,
плыла кругами по стране.
И баловали нас вдвойне.
И сладким пичкали устало.

III

Из потока сообщений —
только сообщенья ТАСС.

Пионеры всех ступеней
возникали каждый час.
Вежливо салютовали.

Узнавали:

— А у вас

есть

цветной

металлолом?

.

Над столом
отец склонялся
и пока что не старел.
Но, поскольку «много дел»,
много реже улыбался.
Мир еще не оклемался.

И в прихожей

мирно

ждал

чемоданчик —

стенки тонки:

из картонки да клеенки.

Миру мир

не доверял.

Был готов

на зов

явиться

флотский офицер Чернов.

Но, пробежав передовицы,
он восстанавливал страницы
истории
былых боев.

Герои Эзеля и Даго
у нас сходились за столом.
По кругу поднималась фляга
все круче,
круче —
кверху дном.

Еще не выветрился порох.
Еще кровоточил металл.
Еще на пионерских сборах
никто из них не выступал.

Они еще не умирали.
Им надоело умирать!
Им юбилейные медали
еще не начали давать.

Они не поминали плена,
ранений, подвигов своих.
И одевались современно —
и, значит, скромно — жены их.
И даже без вести пропавших
пока что числили в живых.

И не звучали в стиле ретро
их песни. Плакал патефон
порывом пламенного ветра
еще не названных времен.

А пили не за День Победы,
а за Победу в той войне,
...и председатель их беседы
порою улыбался мне.

V

Из дворов, как будто из одежды,
выросли. Ушли в конце концов.
Здесь уже не хвастают, как прежде,
мальчики медалями отцов.
И уже родился тот, кто сладит
классе в пятом, может быть — в шестом,
с темой сочинения
«Мой прадед
был фронтовиком».

1978 — 1984

ПРАВУЧИТЕЛЬНОЕ

Подростете —
Вам хватит и зрелищ, и горького хлеба.
А пока будьте добрыми,
Будьте, ребята, хорошими.
Не ходите по лужам! Ведь в них отражается
небо.
Так зачем же по небу,
По синему небу — галошами!

* * *

Ты — в восьмом, я — уже в девятом.
Первый школьный вечер в году.
И завидно твоим ребятам:
Я ведь рядом с тобой иду.
Пополам апельсина дольки.
Поцелуй заказным письмом.
И в среде педагогов толки:
— Он — в девятом...
— Она — в восьмом!..

* * *

Вот я целуюсь с девочкой веселой.
Пунцовым маком рот ее горит.
Нам по четырнадцать. Скамья за школой,
И — к ней домой. Но вдруг окатит стыд:
«А дальше что?» — и в стороны с испуга.
И комната плывет в вечерний дым.
Так вот что значит — понимать друг друга.
Включаем телевизор и сидим.

БЕЗБОЖНЫЙ ПЕРЕУЛОК

За то, что была на другую похожа,
Когда-то, случайно, всего один раз,
Влюбляются тоже и сходятся тоже,
И даже причины не помнят подчас.
Но там, где течет переулок Безбожный,
Вдруг вспыхнет, как свет под трамвайной дугой,
Что жизнь была только лишь слепком
с возможной,
Похожей на эту, но все же другой.

ВАЛЬСОК

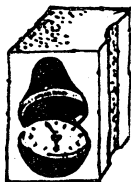
Трижды сок перебродит: в лозе, в винограде, в сосуде.
Вот и станет вином. Но, в отличие от него, —
Перебесится мальчик, и выйдет во взрослые люди,
И пройдет, и уйдет. Что останется? А ничего.

О в какие наряды рядилась грядущая зрелость!
Не за-ради подстрочного переводного рубля, —
Замечательно пелось! Ах, как нам по юности пелось!
Помнишь — верхнее ля? Помнишь — плакали учителя?

Стыдоба да стыдобушка-бабушка! Было и в школе:
На прыжках в высоту — метр сорок тебе потолок.
Думал копыя сломать. Вышло — дров наломать.
И не боле.
Думал в небо лететь — от земли оторваться не смог.

Что ж теперь? А теперь — не ленись, отставай от эпохи.
Если можешь еще — белым светом заполни пробел.
И дослушай попреки, а после садись за уроки,
Те, которые в школе списал, прогулял, проболел.

Скверик против шахматного клуба:
Над планетой шахматной доски
Здесь консервативно и неглупо
Молодыми правят старики.
Ты талантлив. Толькоходишь в пору.
Но подсядет мальчик на скамью
И легко тебе предложит фору.
И с трудом ты сделаешь ничью.
Он уйдет
В закатанных по икры
Наглых джинсах. В жеваном пальто.
И уколет вдруг впервые, что
Есть же на земле другие игры.
Шашки, скажем. Домино. Лото.

Как мамина рука
В сатиновый рукав,
Уходит вверх река,
Смыкаясь в берегах.
И так же на реке,
Где осыпь островка —
Две оспы на руке,
Как будто из песка.
И так же в ручейке
(На пальце, поперек)
Щекочущий в зрачке
Нырять перстенок.
Поверил бы
И впрок
Припал к реке щекой,
Когда б не холодок —
Живой, да нежилой.

ПРОЩАНИЕ

А за окном — ни готики, ни пагод,
Ни штампов на эстампах «Де Пари», —
Качалась ветвь замерзших красных ягод,
И на нее садились снегири.

Но я-то знал, что где-то за морями —
Почти такой же дом в другой стране:
Там пагоды висят в оконной раме,
А эта ветка — в рамке на стене.

И на нее глядит, должно быть, кто-то.
Глаза отводит медленно, с трудом.
Но старится любительское фото,
Желтеет, выгорая, унибром.

А человек с собой никак не сладит.
И так проходит день, неделя, год.

Снегирь взлетел.

Он никогда не сядет.

А ягода все ждет, и ждет, и ждет.

СТАРИННАЯ ГРАВЮРА

Соседка соседку с утра призывает к войне:
Та ставни раскрыла, а город так густо заставлен,
Что, если окно распахнуть на одной стороне,
Напротив уже не откроешь до вечера ставен.
Мужлан из предместья волов своих тянет за хвост,
Телега застряла под хохот калек и воровок.
Патруль не рискует усесться в седле в полный рост,
Чтоб в тесную сеть бельевых не попасться веревок.
В морозы здесь душно — течет по фасадам роса.
А в землетрясенья — дома дымоходами трутся.
В проулке хромом по карнизу от шпор полоса,
А в башне горбатой — со стражником не разминуться.
И только двоим, из высоких, напротив, окон,
Не тесно в том граде, не душно в том смраде воловьем:
Она протянула над городом руки, и Он
Их держит всю ночь над дымящимся средневековьем.

* * *

Сто девяносто восемь лет
Хозяин занят был делами,
А неразрезанная книга
Ждала, как верная невеста.

198 лет
С нее усердно пыль стирали,
И крепостная девка Санька
Уж домработницей звалась.

198... впрочем, ·
Ничто не вечно под прекрасным,
Под кабинетным абажуром.
Вчера хозяин умер.
Книгу
От букиниста я принес.

И вот сижу над ней сегодня,
Вязальной спицей разрезаю
Непожелтевшие страницы.

Вдруг там такое говорится,
И впереди такое слово,
Что нам и не могло присниться
Два века ничего такого.

А вдруг сейчас вот, моментально,
Откроется такая тайна,
Такой негаданный секрет,

Что по-иному бы мы жили,
Не плакали и не тужили
198 лет.

И снова — гарью к потолку
Алхимии алмаз.
Рифмую «Слово о полку»
В четырехстопный раз.

Но все молчат мои князья,
Как перед толмачом.
И отомкнуть их речь нельзя
Ямбическим ключом.

«Ты — сам, мы — сами по себе.
И твой язык — не наш!»
И тает в грифельной гульбе,
И брызжет карандаш.

Нестройный этот хор — один
(Впервые, может быть):
«Что знаешь ты, простолюдин!
Как смеешь ты судить!»

Хотя сдается, что не раз
Все эти речи, все
И тот, не названный сейчас,
Слышал — на колесе.

Что ж? В наших силах — до конца
Продолжить разговор.
— О князь, как звать того певца? —
И князь ответит: «Вор».

ЭКЗАМЕН

Гипотеза, часть первая

— Что-то давно стихотворных трактатов не слышно.
Надо б восполнить пробел...

— Ну, докатился, дружок!..

(Из телефонного разговора)

I

— Нельзя, нельзя, нельзя! Гармонии секреты разбалтывать нельзя! — так говорят поэты, мои друзья. — Губительная штука — лите-рату-рове-денье! Такая скука — наука в голове. Ты занялся не делом. Ты сделался ученым. Чем слыть Андреем Белым, уж лучше Сашей Черным!..

— А я вас обману. Так прямо и начну:

II

— Веселовский не прав!
Синкретизм первобытного действия
(Трудпроцесс и обряд,
Пантомима, и танец, и песня) —
Не зерно,
Но звено!
Не начало культуры, но синтез! —
Он изрек это все и добавил:
— Тут мокро. Подвиньтесь! —
Я опешил.
Я книгу захлопнул.

Ш

Был он бледен.
Наверное, болен.
Невнятно представился — Ваня.
(Лет за 40 примерно.) Он нервно
Нашаривал спички в кармане.
(Я подумал — как скверно,
Все почти как в известном романе.)

Мы были
Едва в километре от Патриарших.

Закурили.
Хмурый Герцен, весь в листьях прилипших,
На листьях опавших
Под сентябрьским дождем
На октябрь намекал, на простуду.

Незнакомец сказал:
— Слушать будете?
— Может быть, буду.
— Ну так вот.
Граф не прав, издеваясь над всеми поэтами
мира.
Он Гомера громил, и Бодлера бранил,
и Шекспира.

Говорил Шеншину:
«Вам не ставлю в вину,
Но стишонки писать —
Все равно что за плугом плясать».

Ну, хватит шуточек.
Теперь слушайте.

Но синтаксис был слишком слаб.

И вот — по вертикали
Предсмертный хрип — звериный храп
Они отождествляли.
Был страшен зверь. И ночь страшна.

Зарницей шерсть сверкала.
И ливня ломкая стена
Клыками прорастала.

Парадоксальная пора!
Пещерные курьезы.
Представьте, наши пра-пра-пра
Совсем не знали прозы.

Среди копченых черных стен
Весь в ямбе, точно в яме,
Мильоны лет не знал Журден,
Что говорит стихами.

Но речь ветвилась. Речь росла.
Немерной становилась.
И вот из языка ушла
И благодать, и милость.

И долго он понять не мог —
За что наказан карой.
Не вытанцовывался слог.
Не получался монолог.

Он речь терял.
Он слеп и глух.
Крошился танец старый.

И понял он:
...в конце концов.
Важней огня и мяса —
Метрическая речь отцов,
Пригодная для пляса.

И как листву дерут с куста —
Он обдирает речь.
И отвергаются уста.
И — горе с плеч.

Это рождение стиха.

Проходят века.

В Древней Греции размер приходит на смену синтаксическому параллелизму. Происходит Первая Стиховая революция.

И уже в V веке, в эпоху упадка Рима,

Появляется рифма в виде простейшего монорима.

Это, конечно, деградация.

Вызубренный урок.

Но в срок — новое открытие — парная рифмовка! Это поэты пытаются продраться назад — в утраченный сад — к двучленному параллелизму первобытного мышления. И тем не менее это — Вторая революция стиха. Рондо, триолеты, сонеты... онегинская строфа...

Древо изгнá мя
Дрѣвле из рáя,
Ныне же Древо ко ряю возведѣ...

Потом... Кстати, Древняя Русь и тут шла особым стихом. Но технология его была утрачена вместе со «Словом о полку». И только в XX веке Хлебников и Маяковский почти находят ее. Почти отменяют Метр.

Третья революция стиха назначена на третье тысячелетие.

VI

— Послушайте, все это очень мило.
Но не знаете ли вы и формулу хлорофилла?

— Ба! Вот это уже интересно...

Неужели человечеству она неизвестна?

— Уверю вас.

— Вот те раз!

Эта формула —

От первой квадратной скобки

до точки —

Находилась в бумагах покойного

Александра Сергеевича Пушкина

На зеленом таком листочке

С водяными знаками одна тысяча восемьсот

Шестьдесят... не помню точнее... года...

— Чего, чего?

— Ну, конечно! Бумага бывшего

Полотняного Завода.

А вы бы сверились по его Полному

Академическому собранию 75-томному...

Вы псих, простите, или черт!

— Не то и не другое.

Я просто «чайник».

Зашел сюда случайно... —

Г о л о с с б о к у :

— Студент! Пропустите зачет!

— Извините...

Вы тут посидите... Я мигом!

.

Надо ли досказывать

Мой позор до конца?

VI

Да сумеет смысл сберечь
Человеческая речь.

Болен. Некрасив. Немолод.
Вызывающе одет —
Это не бездомный воланд
Говорил со мной. Поэт.

И покуда не расколот
Синий шар и смерти нет —
До утра настольный свет
Потечет сквозь этот холод.

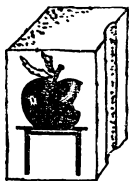
Защити от сквозняка
Лютото, листок бумажный!
На полях черновика
Чертит детская рука
Хрупкий дом одноэтажный.

1981

Вылепился — доверяйся же обжигу!
Нет, перетрушу и вместо того —
Ткнусь под крыло ленинградскому дождику,
Лбом потереться о струи его.

В случае главной и прочей утопии,
В случае личной и прочей беды,
Сквозь те вокзалы — зеркальные копии —
Как в зазеркалье провалишься ты.

Лбом потереться — промокнуть, расслабиться.
Снова и снова кружить по друзьям.
Там — где слезам еще верят — обабиться.
В детство вернуться. С грехом пополам.

ПИТЕРСКИЕ СТРОФЫ

Пойдем же вдоль Мойки...

А. К.

— Айда? — Туда? — Ага. Туда.
Не все ж нам на печи
Трепать столичные года,
Тверские калачи.

Я начал: «И...» — и тотчас ты
Попала в шаг: «...светла!»
И просияла с высоты
Она из-за угла.

«А-дми-рал-тейская...» — смотри,
Какая тут длина!
«...и-гла» — двусложных две петли,
Кораблик — два крыла.

Куда? О да, туда, к реке,
Где оду треплет ветер,
Где даже в бронзовой руке
Хитрит российский метр.

И гибкости, и воли в нем
Не боле, чем в судьбе.
Эксплуатируя прием,
Он вторит сам себе:

Реминисценция слепа,
Но выдаст медный звон —
«Александрийского столпа»
Утянутый пэон.

Куда? Вдоль пристани веков.
Внимательно сличать
Прямоугольных сквозняков.
Чугунную печать.

Куда? На ветреный канал,
Где резвый философ
Псевдоморфемой обозвал
Всех этих львов и псов.

Айда вдоль кушнеровских строф
Сначала. Но потом
Куда угодно я готов...
Давай же повернем

На том сенатском вираже,
Где пляшет под баян
Анри Луи Огюст-Леже
Рикар де Монферран.

(Хозяин скажет: — Москвичи —
Недаром москвичи! —
Но, не переча, промолчи,
Мы все же москвичи!)

Вон у кронверка — рад не рад —
Навеки вписан в план
Лихой трехмачтовый фрегат,
Дешевый ресторан.

Знать, азия уже и здесь
Цыганкой во плоти
У трапа станет в душу лезть,
Шептать: «Позолоти!»

Айда? Мне тоже нужно знать,
Придется ли и впредь
На этой гуще погадать
Да ложечку спереть!

Айда, любимая! Скорей,
Пока не лопнул трос
И это судно с якорей
Само не сорвалось.

Покуда и земных-то миль
Негусто за спиной,
Покуда режиссер Мотыль
Хлопочет под стеной,

Возводит нечто из досок.
А что? Не все ль равно?
Но он бы мог... И он бы мог...
И, право, не смешно.

Как заплетается узор,
Хитер и деловит:
Экскурсовода сирий взор,
Недальновидный вид, —

И тот собор,
И тот раствор
Тебя в моей крови,
И тот, с кем я двойным родством
Мгновенный визави...

Пойдем! Пока еще вдвоем.
Коли охота есть —
Пойдем! Узнать ли нам о том,
Что сбудется? Бог весть.

Пойдем — не в ногу и не в такт,
Но все-таки пойдем.
А если что-то там не так —
Потом, потом, потом.

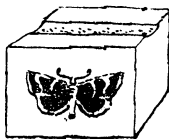
Варежкой ледяной
Тело на́ душу надели.
Крепко-накрепко пришили
Жирной ниткой к рукаву.
И пустили погулять,
Сунув желтую морковку,
Чтоб у мокрой снежной бабы
Был вполне пристойный вид.
Но совсем иной игрой
Двор гудел,
Где ты со всеми
Крепости катал. Морковка
Провиантом стала вдруг.
И, конечно, промочил
Варежку. И не заметил:
Оторвали ее с мясом.
Затоптали в снег. За это
Тотчас же по возвращеньи
Дома строго спрошен был.

* * *

Наши бедные матери
Стелят белые скатерти,
Ставят сверху вино
И не смотрят в окно.
А окно не зашторено,
И оно — не затворено,
И как будто за мной
Ходит ветер волной.
Первым дымом прокурены,
Наши братья нахмурены,
Матерей не таятся,
Ничего не боятся.
Знают девушки строгие,
Что вернутся немногие.
Но не знают про то —

кто.

Неужели все будет так,
Потому что я вижу так!

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Возьми,
сомни,
перешерсти
петит былых газет
пяти-, шести-, семи-, восьми-
десантных этих лет.

И вот среди еще живых
полей и городов,
среди отнюдь не роковых,
не фронтовых годов

увидишь нас.
Смахни же с нас
всю пыль, потомок мой!
А сможешь — подмигни хоть раз
сюда, где я живой.

Э-гей! Мы тут!
И с высоты
рукой
 раздвинь
 дымы.
Конечно, если будешь ты.
Как все же
были
мы.

II

Не будет, не будет,
не будет того,
что в скорбных стихах старый мастер пророчит,
Он в юность свою возвращения хочет.
И мы — в меру сил — понимаем его.

Он тянет из прошлого верный билет.
Он держит строку, как динамик под током.
Кассандрою слыть и Ионий-пророком —
не трудно. Но веры в слова его нет.

Не грусть надоела,
но груз волхвства.
И магий всецветных занудство сплошное.

И время иное.
И кто же виною,
что выдохлись в темной реторте слова?

ЧЕЛОВЕК С СОБАКОЙ

Ты держишь пустую перчатку за палец,
А в правой руке — поводок.
Мальчишки, которые с горки катались,
Спросили: — А это бульдог?

И ты, для порядка взглянув на них косо,
Боишься уже одного —
Что, если сегодня не будет вопроса:
— А можно погладить его?

Мальчишки всегда любопытны до дрожи,
Но хитрость твою не поймут.
И третий вопрос будет задан чуть позже:
— А как его, дядя, зовут?

На двадцать минут они великодушно
Спокойнее станут, мудрей.
И двадцать минут будут слушать послушно
Историю жизни твоей.

Слова за слова легкий ветер заносит.
Боксер твой хрипит горячо.
Но не про него, про тебя они спросят:
— А вы к нам придете еще?

1974

* * *

Слово есть, а света нет:
Как в переводном сонете —
Рифмы есть, а света нет.
Надо же — все дело в свете.

Прозевал ли, потерял?
С шуточкой, а то и с плачем
Ты не сразу прозревал.
А прозрел себя — незрячим.

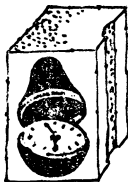
Хорошо б еще с клюкой,
Хорошо бы знал дорогу...
Все бормочешь сам с собой,
В пустоту поставив ногу.

Побузи еще, поплачь
Да помыкайся по свету.
Где твой брат?
И враг? И врач?

Слово есть, но света нету.

* * *

Дизайнеры придумывают время.
И тушью мажут, и резинкой трут.
И времени трагическое бремя
На утвержденье временем несут.
В кабэ безвестных ящичков почтовых,
В прокуренных мансардах-мастерских,
В метро и в общепитовских столовых
Эпоха замыкается на них.
Они меняют стили и названия.
Покрой, моды — счет идет на дни —
Пределы и основы мирозданья.
Куда, к чему, зачем спешат они?

* * *

Г. Е.

В виде света разной густоты
на фотобумаге я и ты.

Слишком быстро, как от никотина,
пожелтеет оттиск негатива.

Видно, не хватило серебра.
Видно, карточку порвать пора.

Видно, то, что мы стоим в обнимку,
ненароком повредило снимку.

Ну а все, что после мы поймем,
и сейчас проявлено на нем.

* * *

Горят васильки крестоцвета
Пожаром своим голубым.
А эта улыбка — примета
Того, что не будешь любим.

И сколько бы ты бестолково
Ни торкался в это плечо,
Ты в ней не пробудишь такого,
О чем и не знает еще.

Не знает — и все-таки знает.
И как замолчит соловей,
Ромашкин желток растирает
В холодной ладошке своей.

* * *

Всего-то уюта —
От часа минута.
Всего-то комфорта —
На кухне конфорка.
Вода кипятится.
Всего-то случится,
Что выпадет чашке
Сегодня разбиться.
Всего-то?
Всего-то тяжелая птица
В карниз постучится.

Как мягко ты стелешь.
Глядишь непреклонно.
— Чего ты там мелешь?
— Зеленые зерна...

* * *

Еще ты и не называлась женой
Моей, а тем паче — чужой,

Еще мы ни лучших, ни худших времен
Не знали, ни детских имен.

Еще, впрочем, это почти что
Уже
Был куплен пакетик цветного драже.

Разорван, рассыпан по Трубной
Размолвкой первой, не крупной.

Когда этнографы XIX столетия
вдруг обнаружили палочку для добывания огня
у скандинавских школьников, стало ясно, что дети
хранят в своих играх древнейшие человеческие
изобретения,
опыт, обряд, мышление первобытных эпох.

...мне было четыре года, когда я впервые влюбился
и впервые подошел к ней в песочнице.

Объяснился. Представился.

И она посмотрела внимательно. И сказала:

«Андрей-воробей».

И вот, спустя четверть века, сочиняя статью про рифму,
я понял, что эта девочка — кстати, как ее звали? —
магнием метаморфозы, классическим средством
шаманов,

навек обратила меня в воробья,
усадила барахтаться в лужу.

И я кричу ей,
что я — Андрей
чик — простите! — чирик.

И все не хватает дыхания
докричать через четверть века
и с края черновика
спросить:
«Как тебя зовут?»

* * *

Вот лежит он из-за лишней крошки.
Неудачник. Сорванец. Плебей.
Вор подбитый. Серый воробей.
Перья врозь — он ждет прихода кошки.
Форма воробья как раз такая,
Чтобы глубже лечь в моей горсти,
Клюв -- чтобы потом сказать: «Пусти!»
Крылья — чтоб ударить, улета.

* * *

Руки сцепятся, как реки.
И сольются невзначай.
А теперь — прощай навеки.
На века — прости, прощай.

Не излукой, но разлукой.
Перекрестком разошлись.
Как ни окай, ни аукай —
Расплевались. Расплелись.

Там, вдали, под синей чашей,
Там, за чашкою, вдали,
Волосок волны тончайший
По волокнам расплели.

Точно так слепая дева
Расплетала поясок.
Нитку вправо. Нитку влево.
Нитку — с корнем — поперек.

НЕВЕСТА

За три месяца до декабристского восстания семеновский подпоручик Чернов стрелялся за честь сестры с флигель-адъютантом Новосильцевым, которому мать-графиня уже после помолвки и обручения запретила жениться на девушке не их круга.

Оба юноши были смертельно ранены.

Сюжет сентиментальной драмы был в жизнь перенесен. Эраст придет, не спросясь у мамы, и влюбится, и слово даст.

Красавица не виновата.
Он примет вызов через год.
Убьет ее родного брата
и сам — в шести шагах — падет.

Шла перемена направлений
в искусстве. Поединка пыл
в тот год воспеть сумел бы гений!
Он был. Да только в ссылке был.

Другой поэт — светло, но вяло —
взмыл в романтическую высь:
Эрасты! Вам крестьянок мало.
Вы за дворянок принялись!

В невидимом венце терновом
он апеллировал к штыкам:
клянемся честью и Черновым!
Вражда и брань временщикам!

С нравоучительною целью
оповестил: повинен царь,
строй, спесь... Над этой же дуэлью
слезу роняет государь.

А где-то, и без слов крылата,
все не утрет ее рука
кровь брата на мундире брата,
кровь на груди у жениха.

...того царя отпела вскоре
картечь. Романтик был казнен.
Что — рядом с общим — чье-то горе?
Чудачество усмотрят в нем,

когда казенные кларнеты
подсвистывают на плацу,
когда плеснет из-под кареты
тюремной жижей по лицу,

когда веревка оборвется,
но оборвется нить опять.
И Лунин бодро улыбнется:
— Своих бастилий нам не брать!..

Но что ей — общая утрата,
что — этот перечень, пока
в крови мундир родного брата,
сюртук венчальный жениха!

Те судьбы озирая вместе,
историк ищет общий план:
и вот — не вспомнят о невесте
ни Щеголев, ни Эйдельман.

...как странно, не меняя позы,
грядущее припоминать —
в объятья натуральной прозы
невесту передоверять.

А может, мы и вправду слишком
литературой увлеклись?
Что делать! По журнальным книжкам
в тот век любили и дрались.

Завидный жребий — с пистолетом
стать супротив временщика.
Но веселей одним куплетом
взметнуть мятеж его полка.

Мука особого помола,
вино изысканных кровей,
четырехстопная крамола —
краев полночных соловей!

И кто-то знал за суматохой
нелепых казней и потрав:
художник, споривший с эпохой,
потом оказывался прав.

И по указу государей
стихи — задолго до суда —
в делах секретных канцелярий
вымарывались навсегда.

...те под землей, те — за Уралом.
Тот век — иные времена.
И, замужем за генералом,
все тише плакала она.

И пусть меня толкает рифма
к ее судьбе. Я — не о ней!
Кровавей греческого мифа
античность Родины моей.

Но как светла!

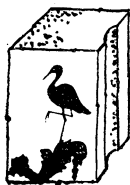
Лучом, текущим

к тем кущам,

с этих вот низин.

— Прошедшее грозит грядущим...

— О, не пророчьте, Карамзин!

* * *

Прежде чем затарахтит телефон
дискантом в доме неблизком,
я семикратно с тобой обручен
скользким пластмассовым диском.

Сколько же мистики в каждом звонке!
Реалистичней — без стука
двери и стены пройти налегке,
на табуретке присесть в уголке.
Просто смотреть друг на друга.

* * *

Недругом была, не другом.
Стала ты моим недугом.
Пропиши свою траву,
Лучший лекарь, чтобы реже
Помнил полдень, лес, траву.
Фотографию изрежу.
Письма — просто изорву.
Что же с временем творится?
Памятью оно клубится.
Нить запутана весьма.
И застряла в ней страница
Полудетского письма.

Ну какая тебе разница,
Не во всех же был влюблен!
Вот и наши одноклассницы
Превратились в чьих-то жен.
После школы — косы с лентами
В дань прошедшим временам:
Гимназистки со студентами
От друзей ушли, от мам.
Ветки под ноги склоняются
Прямо на виду у всех.
А конфликты сохраняются
Вот уже который век.
И над книгой, в напряжении
На слепящий глядя лист,
Первое забыл спряжение
Неказистый гимназист.
Что построено — порушено
И не значит ничего.
Ухожу бродить по Тушину
С одноклассницей его.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

О. Г.

С популярного издания
У психолога Леви
Утяну в одно касанье
Рифму новую к любви.
Положу полупрозрачный
Лист на пестрый переплет.
Светлый колер стихнет. Мрачный
На бумагу перейдет.
Мы пером его не тронем.
Мы еще в своем уме.
Мы о светлом, о стороннем
Побеседуем в письме.

Что же там все же,
За вечным покоем?
Книгу раскроем. Ткнем наугад.
Лето такое-то выпито зноем.
Глад.

Перевернем летописный пергамен
С лета того лет на двести назад.
Что там за вести?
Мор или Глад.

Время, течешь ли ты?
Только пороша
Во поле ясном —
Ни смерда, ни витязя.
Без пунктуации,
Без интонации —
«Люди помроша останки разыдися».

Пашня качала от мора до мора,
Как морехода — неверное море.
В поле топило,
Курганы штормило,
Белые кости на брег выносило.

То покорялась,
Жатвой вздымалась.

ВЫРСКАЯ СТАНЦИЯ

И в Оредежи роскошное пойло...

Рылеев

Выра была третьей почтовой станцией от Петербурга по Минскому тракту. Выриным назвал Белкин своего станционного смотрителя; гусара, похитившего Дуню, нарек Минским.

Тут вблизи ярко-красных берегов Оредежи, стоит деревянный дворец екатерининского вельможи, отсюда бежал в Литву царевич Алексей, здесь в Батове прошли детские годы Рылеева, здесь в Заречье начинался трагический роман блестящего флигель-адъютанта с дочерью небогатого помещика, а за сто лет до этого тут жил первый архитектор Петербурга Доменико Трезини.

Став прошлым, время уже не имеет временной длительности. И если жива память, до любой его точки одинаково близко. Так на срезе памяти, как на срезе дерева, кольца времени проступают одновременно.

Г

Выявлено. Выбелено чисто.
Свежая разломлена тетрадь.
Здесь, почти в именье декабриста,
Пристрастишься лето летовать.
Рассуждать с хозяином о старом,
Все искать единственный изъян.
И листать зачитанный недаром
Некий краеведческий роман.

Мальчик бродит по лугам.
Холодно его ногам.
Мальчик все запоминает.
Мальчик нынче уезжает.
Лето кончилось. Прощай!
Перерезан каравай.

II

XIX-й, зело болезный,
Уходил дорожкой продувной.
Но качалась колыбель над бездной,
По-над пестрой парковой травой.
А пока спеленутое лето
Лишь касалось краешка стола,
Имени опального поэта
Млечная черемуха цвела.

Предки жили у реки.
Бунтари. Крепостники.
И не чьи-нибудь — его.
И не чьи-нибудь — твои.
Так-таки и никого
Ты не встретишь у реки?

III

В ту экологическую нишу
Однава потянешь всех своих:
Валентина Дмитриевича, Мишу,
Жору, Пашу, Машу и иных...
Кто-то с кем-то кинется с порога.
Кто-то с кем-то сядет на порог.
Господи! Да как нас было много!
Всех сюда и втиснуть я не смог.

Ах, как странно в двадцать пять
Родину приобретать.
Узнавать в чужом лице
То, что в матери-отце
Ты навеки затвердил,
Да, наверно, позабыл.

IV

Рамкою вино свою оправлю...
(Смех и грех, а вырвалось само!)
К берегам иным письмо отправлю
То, с нелепым адресом письмо.
И покуда адресата ждали
Мы по эту сторону земли,
Почтари письмо не потеряли.
Просто слишком поздно принесли.

По чернильным капиллярам
Черной пастой, белым паром
Переписывай судьбу
Тех, которые в гробу.
Мыслью, мышечным ударом —
По чернильным капиллярам.

V

Между тем неканувшее лето
Шло поодаль от твоей судьбы.
Мальчик первых два сложил куплета.
Залоснились на столе грибы.
Улыбался бритый император.
Либеральный бант отец вязал.
И почтовой станции диктатор
Пенсию подножную жевал.

Дух фиалковый, грибной —
Прелых листьев перегнутой
Заглушает двух империй
Бритвенно-пеньковый дух.
Вдохновенных суеверий
Шепоток — тревожит слух.

VI

— Балуйте детей своих побольше!
Балуйте детишек, господа!
Вам не ведать, что там будет дальше.
Алый берег. Быстрая вода.
Толку чуть и в праведном запрете.
Только чуть прикрикнешь — погляди! —
Махаон на самом парапете
Крылья свел на бархатной груди.

Ничего ему от нас
И не надобно сейчас.
Бродят тени в бывшем парке.
Захлестнулась нить у Парки.
А повешенный — в аллее
Ходит — всех иных белее.

VII

Ну еще какая там провинность?
Что за подвиг новый, что за страсть?
Или тяжкая необходимость
Динамитом ограничить власть?
Нет, недаром лужские равнины
Насыщает красногорья ток:
Из-под коренного — комья глины,
Красной глины, бьют о передок.

Впрочем, лучше бы не это:
Жить до нового рассвета,
Все запомнить, записать.
Может — внукам рассказать!
Но — записано в программе:
«...не мужьями, но мужами!»

VIII

Детский мир пружинных пистолетов.
Оредежи беспокойный ток.
И опять к концу подходит лето.
Ну еще, еще один глоток!
Брошенное Батово пылает.
Пятипалый лист летит к тебе.
Он любил нас. Этого хватает.
В остальном — доверимся судьбе.

Наступает новый год.
Мать выходит из ворот.
Может статься — за грибами.
Может статься, что за нами
Мать выходит из ворот.
Наступает новый год.

IX

Заклинать и оживлять былое
Кто подбил тебя, цитатчик, вор!
...складываю вчетверо и втрое
Мнемозины памятный узор.
Между станцией и магазином,
Как взаправдашний мемуарист,
Пстакая танцу мнемозины,
Закавычиваю этот лист.

1983

13 ИЮЛЯ 1926 ГОДА

...А Чернышев взметнул платок и — замер,
Ему привиделось в один момент,
Что бревна отшлифованы под мрамор
И не помост под ними — постамент.

Махнуть — войска увидят то, что скрыто:
Пять покрывал заплещутся у ног,
Пять изваяний встанут из гранита.
Помилуй мя! Он выронил платок.

Когда Рылеев подходил вплотную,
Гранитной крошкой сея по траве,
«Пенька не может выдержать стату́ю!» —
Мелькнуло, затухая, в голове.

КЮХЛЯ. ДИАЛОГ В ОДИНОЧКЕ

— Истина парадоксальна.
Ложь — логична и стройна.
Вера — чересчур сусальна.
Правда — чересчур темна.
В языке, как будто в яме,
Мысль мычит и в стенку бьет.
Может быть, спасенье в ямбе?
— Если кто-нибудь прсчитет.

Твой город —
египетская пирамида,
поставленная на костях и болоте
у самого серого моря.
Распорот
ее златошпильной вершиной
высоко в пустынях песчаного неба
державный табун облаков. И за ворот
стекает слеза кобылицы.
Доставлены к невскому берегу,
два сфинкса
хранят выражение нильской загадки.
Тут все, как на родине их,
у подножья
такой же гранитной могилы.
И призрачны лица прохожих. И если
покойный чиновник двузначного класса
по Невскому вздумает прогуляться —
в толпе его не отличить.
Разве только
ткнет Сидор Семеныч приятеля,
скажет:
— Смотри, как похож на того горемыку!
Шинелишка только с гнильцою.

1976

* * *

Не то, что мните вы, природа . . .

Дачная местность конца ноября.
Графика ветра и воли.
Мокрые прутья вокруг фонаря,
что вы, по циркулю, что ли?
Или воистину прав урбанист,
в этом пустом перелеске
соединивший березовый лист
с веткой посредством железки?
Или же специалист молодой,
определивший уныло
этот бушующий болью прибой
как комбинат хлорофилла?
Чу! Там и следующий сиганет
юрким стрекозчиком серым,
на брудершафт попивая компот
с критиком Эн и Гомером!
Узким узлом он затянет бразды.
Рифмы — что сальные пятна:
лирика, мол, воспеванье узды,
мол, выражаясь понятно.
Вроде бы дело мое сторона.
Слишком запущенный случай.
И невидимкою в тучах луна
снег освещает летучий.

* * *

Помочь переболеть.
Всю ночь пересидеть,
сжимая над кроватью
рожок с водичкой сладкой,
потеющий в руке.

Оттягивая жар,
отталкивая шар
кошмара — трижды в ночь
таблетку растолочь.

Постой, я помогу!
Ты видишь — я могу
войти
издалека.
А ты поспи пока.

* * *

Книгами тоже, наверно, нельзя обраться.
Горе и преуспевшему библиофилу.
Можно менять, и дарить, и тащить их в могилу,
Но никогда уже не возвратиться опять
В комнату эту с кроватью, больной и скрипучей.
К полке, где между тетрадных коленкоров
Скоро сведет — среди хлама бумажного — случай
«Дальние страны» Гайдара и «Трех мушкетеров».

* * *

Назначу глиной первый снег.
А мрамором — лед новогодний.
И царство на берегах трех рек
Построю на песке, за Сходней.
А поздно вечером вернусь
И, оглушен домашней ссорой,
Все буду думать: ну и пусть,
Ведь я же тот, другой, который...

* * *

Переулок заломлен углом.
Над столом
Наговорено — не продышаться.
Что ни слово — облом.
Повело о былом.
Но и в будущем не продержаться.
— С понедельника... Впрочем, всего лишь среда.
— По часам... Но будильник в починке. —
И сличаем, чья толще вина. А беда
Из вина лезет как из личинки.
— Извини. — Извини. — Не поставит ли чай?
— Может, кашу сперва расхлебаем? —
И опять репетируем слово «прощай»,
И не врем себе, да подвираем.

* * *

Одну остановку трамваем —
И нет никакого дождя.
Складные зонты закрываем
И складываем погода.

А то, не вверяясь заботам
Неверной московской зимы,
Один перелет самолетом —
И нате — в субтропиках мы.

Вот так бы и жить на два дома,
Себя от греха увозя
При первом предвестии грома.
Не сложно. Не можно. Нельзя.

* * *

А. Б.

Остыла самса, позабыт кайтарыш.
В Москве получаю багаж.
Чего ж ты в глазах все стоишь и стоишь,
Раскосый узбекский пейзаж?

Мне родины хватит одной за глаза.
Ей — мысли мои и глаза.
Да что ж это! Только закрою глаза —
Опять открываю глаза.

РЕЗЧИКОВ ПЕРЕУЛОК

Б. Ш. О.

А в самом центре тех пятидесятих
и я гулял на тех кривых арбатах.

Отцу по службе вышел перевод.
И вот в полуподвальной коммуналке
экс-ленинградский выкормыш живет.

Ворвавшись по нахалке, без прописки,
сосу свои московские ириски,
здороваясь с соседями чужими,
сместилось что-то в паспортном режиме.

Заходит дядя-милиционер.
Но стоптан снег на мартовский манер.

Какие времена — вокруг и возле!
Потом пойму и осознаю после

поленницу в поленовском дворе,
уложенную, может быть, Глазковым.
А мне четвертый. И на той заре
вечерней — упиваюсь Михалковым.

Но излученье лирики тех лет —
еще неведомый,
уже нездешний свет.

* * *

Проспект залит асфальтом.
Асфальт залит дождем.
А ниже слой песка под слоем камня.
И все-то мы с тобою по поверхности идем.
И песенку на тонкой нитке тянем.

Звонят полуботинки об искусственный настил.
А тяготы земных пластов известны
Строителям, шахтерам да копателям могил.
...зато всегда при нас иные бездны!

* * *

Ничего мне от тебя не надо.
Объясняю и тебе и всем:
Ничего мне от тебя не надо.
Только-то тебя и насовсем.

Эту пошлость проглотив послушно,
Даже не прибавишь ничего.
Ничего и от меня не нужно.
От меня не нужно ничего.

ПРИСТУП

То ли снег за стеклом падал вниз
Мимо глаз,
То ли мы возносились.
Вот и вышла душа на карниз.
И на жести следы растворились.

И покудова тело мое,
Закононое, глухо дышало
И, храня направление свое,
Ни живо ни мертво, устояло —

Вся в сомненьях,
Как будто жена,
По дороге из дома чужого,
С кем-то третьим решала она,
Обсуждала — вернуться ли снова.

* * *

Ты спишь.
Ты не слышишь меня.
И даже во сне не увидишь,
Как я среди белого дня
Пройду, колокольцем звеня.
Не слышишь,
Не видишь,
Не выйдешь
В окошко взглянуть сквозь меня.

* * *

Остановиться, оглянуться . . .
Ал. Ар.

Чего в карманах только нет,
когда пошарим да поищем:
вот ненадписанный конверт
с вложением многостраничным —

макулатура, чепуха.
Потерянный солдатик сына.
Листа кленовая труха
и чек из зоомагазина.

...куда идти, когда домой
нельзя? Не просят. Не пускают.
И от обиды за спиной
почти что крылья вырастают.

Чего ты к щелочке приник:
что день грядущий, мол, готовит?
Он сам возьмет за воротник.
И обернет. И остановит.

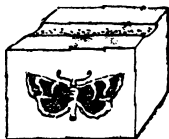
И выбьешься из колеи,
накатанной вперед лет на пять,
забыв с утра ключи свои
или лекарство в нос накапать.

НАТЮРМОРТ

Слюнеобильна, как слово «лимон»,
Вся композиция эта.
Пета-запета. Какой же резон
Снова копировать это?

Впрочем, не спросят.
Им вынь да положь,
Ты ж дилетант и невольник.
Яблоко ставят. И чайник. И нож.
Вечный тупой треугольник.

Ну напиши, только начистоту,
Не отступая от темы:
Что там за тени у них
на свету,
Полутона и проблемы?

ИСТОРИЯ ИЗОЛЬДЫ

(Отрывок)

Плачь, зеленая тростинка,
золотой мундштук.
Чем твоя прямее спинка,
тем яснее звук.

Чем слезинка соленей выпала,
и мелодия светлей выплыла.

Летний вечер. Граница королевского парка.

Изольда:

— Как далеко ушли мы!

Как легко

мы заблудились в парке.

Странный парк...

Я никогда не замечаю, как

аллея превращается в тропинку,

тропинка в просеку,

а просека в овраг.

И жимолость — в ольху.

И вот уже свирелькою во мху

ручей звенит...

Лишь он определит

дозволенный предел.

Здесь — парк.

Там —

лес.

Тристан:

— Негодный! Ты опять залез

в малинник и весь вывозился.

Это не паж, а просто... простите, королева!

Кругом, налево,
переоденься, и чтоб в таком виде
тебя никто не видел во дворце!
...У калитки я подам знак!

— Родной, зачем ты так!
Зачем опять

Ренольда прогоняешь?

— Наплевать!

— Не говори так!

— Как?

— Так грубо, милый!

Когда вы сердитесь... И ты, и Марк...
О господи! Помоги и дай силы
вынести это!

Милый!

Не сердись!

Хочешь, станем играть в серсо?

— Но я отослал пажа.

Он унес и трость, и кольцо.

— Кольцо? У меня есть кольцо.

Изольда снимает с пальца обручальное колечко.

— Как ясны очи твои!

Во имя твое —
лови!

— Как сладки речи твои!

Во имя твое —
лови!

— Как ловки руки твои!

Во имя твое —
лови!

Тристан замешкался. Колечко покатилося по берегу.

Плачь, зеленая тростинка,
соком золотым.
Льется в просеку тропинка
локоном льняным.

Пощади, судьба, Изольду!
Не дыши в лицо!
По воде, как будто по льду,
по воде, как будто по льду,
по воде, как будто по льду,
катится кольцо.

ПРОШЛЫЙ

Ничего не разрушала,
Никого не предала.
Все стирала, все рожала.
Разлюбила — не ушла.

А потом с детьми — по мукам,
А отнюдь не по рукам.
Прошлый, тот,
Нелепым звуком
Умер где-то раньше, там.

Что ж он, прошлый,
Все о прошлом?
Что ж он, мертвый,
Все к живым?
С голоском каким-то дошлым
Да шажком вприпрыжку пошлым
Заворачивает к ним?

Норовит на чашку чая.
Предлагает быть втроем.
Норовит, детей качая,
Все о прошлом, о своем.

Ты его не предавала.
Как любила — не лгала.
Все терпела.
Все стирала.
Сгинул — плакала сначала.
Лишь потом пошла, пошла.

Тот, другой, — родной и милый,
Ненаглядный, дорогой.
Этот —
Мертвый и постылый.
Нелюбимый. И родной.

ИЗ «АЛЬБОМА»

1. ПАША

«Алло, Гутионтов?» — «А он на топтушке. Звоните». Звоню. «Он верстается». Перезвонил. «Извините, он выбежал». — «Вышел?» — «Нет, шапка на месте». Звоню раз восемь на дню. И сбиваюсь. И снова звоню.

Апрель на носу. И декабрь. Наказанье такое!
«В отделе?» — «Внизу. Вы по делу?» —
«Да... что-то такое...»
Ага, объявился! Не зря ж я тебя обругал.
«Чего тебе надобно, старче?» — «Стишок написал».

«Большой?» — восемь строчек:
«Впечатан в набухший суглинок...»
«Погромче. Тут автор!» — «...подтаявший
с вечера лед...»
«Донецк вызывает!» — «...проблема промокших
ботинок

опять перед нами встает...» Гутионтов орет
сквозь топот печатных машин и печатных машинок,
поверх телетайпов, засылов, «квадратов», «картинок»,
чтоб трубку не клал! Послезавтра в газете прочту,
что он отлучился. На пару минут. В Элисту.

Послал же господь мне приятелей! В мыле и спешке
проходит их век заводной. Позвонить бы Олежке.
Он тоже в газетах — поскольку известный поэт.
Но нет его дома. И дома-то, в сущности, нет.

«Алло, Гутионтов?» — «А он на планерке». С галерки
слежу за игрою друзей. И делю их восторги.
И фрукты кидаю в помрежа. И реже — цветы.
И сам не пойму, что б я делал без их суеты.

2. НИНА

Монте-Карло, Монте-Кристо...
это ветер в голове,
а пока что интуриста
Нинка водит по Москве.

Третьяковкой и «Березкой»
этот город знаменит,
тут на площади на плоской
классик бронзовый стоит,

тут на улочке на узкой —
все, что хочешь для души:
хочешь — семечки полузгай,
хочешь — барыню спляши.

Ах, замах у нас вселенский:
возвращаешься без ног
в переулок Обыденский,
в коммунальный свой чертог.

Есть для пудры умывальник.
Для усталости — халат.
И сама себе начальник.
И отец. И старший брат.

И промокшая как ветка,
как под ливнем летний луг, —
образцовая жилетка
для знакомцев и подруг.

Поостыть бы только нервам,
продышаться бы душе.
Есю-то жизнь прожить на первом —
вровень с жизнью! — этаже.

3. ЮРКА

Когда-то друг, а ныне драматург,
скандальный хроникер, король и прочая...
но что-то и в тебе смягчится вдруг,
точно в абзаце, набранном с отточия.

На нервах, на шарнирах, на ушах
московским буратиною выскакивал,
в размноженных людской молвой статьях
все больше уязвлял, а не оплакивал.

Блокнотом брал барыгу в оборот.
Грозил пером — они грозили «перышком»,
и вздрагивал у собственных ворот,
когда луна мерцала битым горлышком.

Гитару брал. За пуговицу брал.
Перевирали известные мелодии.
И врал себе нередко. Мне — не врал,
без шапки шастал при любой погоде, — и

спрошу: неужто нам иной успех
предписан театральной контрамаркою?
И кланяться при зрителях при всех
придется завтра? Юрка, я не каркаю —

мы все стареем в одночасье, в срок
предав свое мальчишество старинное.
...сразился с Дуремаром сосунок.
Теперь походи померяйся с Мальвиною!

ОБЪЯСНЕНИЕ

И преломив, и раскрошив
заплесневелую горбушку,
сказал: — Один из нас фальшив.
Довольно нам дурить друг дружку.

Сказал: — Ты правильно сказал.
И даже голосом нелживым.
Но точно воздух наповал
рубил — и точно, и с нажимом.

Сказал: — Когда ты слабым был,
когда еще ты не был сильным,
твоих речей старинный пыл
был неелейным, неумильным.

Сказал: — Мне больно, милый мой.
Боюсь и не решился б даже...
Что с нами будет в час иной,
когда пошла такая лажа?

Сказал: — Ты вспомни, было как!
Или забыл, как прежде было?
Или ревнивец я и враг?
Или завидую уныло?

Сказал: — Ты дружбой дорожишь.
Но дружба обернулась сплетней.
И что-то чересчур спешешь
облобызать меня в передней.

Сказал. И потому был зол.
Все повторял: — Ах, если б... если...

И дверь толкнул. И в дверь вошел.
И утонул в глубоком кресле.

Страшно снежинке лететь на ладонь.
Страшно ладони к огню прикосаться.
Страшно огню... но зачем тут огонь?
С третьей же строчки ты стал повторяться.

Фигу в кармане, кулак или горсть
Лепишь из пальцев — слетают метели.
Напоминают: ты гость, просто гость
В собственном доме и в собственном теле.

«Что ж на пороге стоять?» — переход.
Выдох! — еще переход — не старайся
Выучить, вымучить все наперед...
Дома нам скажут: — Располагайся.

Передохни. Впереди — переход.

ВОЛНОКАЧАЛИЯ

Не воспето и не издано,
не записано нигде,
как Елена Феоктистовна
ходит «яко по воде».
Весела волна-разлучница!
Все б ей милого качать.
А Елене ночи мучиться,
и терпеть, и ревновать.
Вдоль по кухне ли, по пристани
с дочкой Настей на руках
все б Елене Феоктистовне
виться птицей в облаках.
Шла за тридевять и далее,
не отстав и не устав.
Но у той Волнокачалии
свой, особенный устав:
там — над пеной белобрысою
брызжет, брезжит ли рассвет.
Тут — с подруженькой Ларисою
на двоих один обед.
Тут и там — равно катись до дна,
остудившись только раз.
Все, Елена Феоктистовна,
не сменяют с вахты вас.
Вашему Никите Юрьевичу
тяжелей, а вам — трудней.
Только ветру не задуть свечу
в храме хрупкости твоей!
Оттого-то и отчалили,
и причалили сюда
все суда Волнокачалии,
сине-серые суда.

ТАРУССКИЕ ЯБЛОНИ

(Заговор)

I

Слово наливалось светом,
Словно яблоко на ветке,
Но при этом
Становилось
Горше,
Злее,
Зеленей.

Мы ушами искушали
Певчих птиц,
Мы разрешали
Солнцу двигаться над нами.
Так ему говорили
Поутру:
Ступай себе
Над полями
(и над нами),
Над ручьями
(и над нами),
Над горами,
И над нами,
И над лесом,
И над логом,
И над завтра!

Мы трепали
Языками, засыпали,
Забываясь в ослепленье
Первого луча дневного.

Наливалось светом слово.
В полдень яблоки гремели,
Как могли,
По скату крыши.
И одно о подоконник
Разбивалось,
И другое
Расшибалось о скамейку.
Третье — бултыхнулось в бочку
И пошло на дно спросонок.
Вынырнет — ну что ж, съедим.

А четвертое втыкалось
В перевернутые грабли
И будило нас. Колечко
Ты в траве похоронила.
Не нашла. И не сказала
Мне об этом. И ребенка
Понесла тогда. И тоже
Не сказала.
Как же страшно,
Что любил я не тебя.

II

Этот косогор тарусский —
Узкий берег над высокой,
Над широкою водой.
Эта стереофония
Двух соседских танцплощадок,
Эта елка, что бросала
Тень сырую на участок,
И за то была однажды
Приговорена хозяйкой
К медленной стоячей смерти
При посредстве топора.

Мы не плакали —
Смеялись.

Наливалось солнце светом.

Мы не знали в это лето,
Что при яблонево́й кроне
Нашей — был давно положен
Черный маленький топор,

А зимой сады померзли.

III

Ночью — ветер, ночь и грозы.
Днем — жара, река и ветер.
Ночью — речи, очи, плечи.
А потом — река и ветер.
А потом — и жар, и ветер.
И опять — река и ветер.

IV

Этот трогательный трагик
И изрядный старожил,
Наш хозяин,
Поделился
Как-то раз соображеньем
О круговращенье плоти.
Он
В Тарусе
На террасе
Говорил нам:
— Эти корни
Ни дерьма, ни химикатов
Не знавали до сих пор.

Тут над нами есть могила.
В ней лежит Смирнов-Агатов,
Знаменитый в прошлом тенор,
А когда-то
Был погостом
Городским — весь косогор...
Помнишь, как ты подавилась
Брызнувшим в тот миг наливом?
А хозяйка утешала:
— Мой хозяин пошутил.

V

Этот яблоневый сад
На косяках любви нашей
Не приклеится назад,
Отлетевший и опавший.

В городе родном, чужом,
По совсем иной причине
Выкорчем да сожжем.
Дым развеем по кручине.

И московскую тропой
Мне
По звездам крупной соли
Дворницкой,
В ночи — доколе
Все свое носить
с тобой?

VI

Холодно.
Ветку за яблоко тянут
Ниже и ниже,
Ближе к земле.

Холодно.
Годы, наверное, встанут
В прахе, во зле,
В страхе, в золе.

Господи,
Дай нам еще протянуться!
Дай же руке дотянуться,
Доткнуться
В этом саду,
В райском аду.

Холодно.
Скоро уж дети проснутся.
Я их с побывки домой поведу.

VI

Отпускать тебе грехи —
Значит, отпускать на волю.
Я тебя не отпускаю.
Я замкну тебя в стихи.

Хорошо ль тебе в строке
Хореической живется?
Много ль места остается
В семизначном уголке?

Я замкну тебя одну.
Навсегда — во время оно.
Шнур глухого телефона
Между веток протяну.

...и, семя свое разбросав по земле,
отправимся дале.

И детям следить за тобою во мгле
в недолгой печали.

Еще не смутился покой на челе.

Прокуренный хлеб зачерствел на столе.

Мы все это знали.

Ты помнишь — душа примеряла судьбу
в младенчестве где-то?

Дыхание матери тает на лбу —
и душно без света.

Но будто бы вдруг пробудили трубу,
и ты, перед сном закусивши губу,
увидел все это.

Зачем мы заранее знаем сюжет,
не ведая цели?

Как будто иных откровений и нет
на самом-то деле.

К чему осознание немислимых лет?

Зачем в изголовье осмысленный свет,
как сон у постели?

ЯЗЫКИ ОГНЯ

Гипотеза, из части второй

Смаргивая тысячелетия, море и суша сменяли друг друга.

Рыба не выходила из воды. Вода ушла сама. И пришлось ползти, обдирая плавники о мокрый песок.

Потом разорвало Пангею — поплыли по океану материк. Палило солнце. Таял, отступал, уходил лес. И гналась за предком человека четырехлапая смерть с кошачьей мордой. И далеко было до спасительного древа. И в отчаянье он обернулся, выпрямился и бросил в ее саблезубую морду ее же имя. И смерть поджала хвост.

Так дарована была им звуковая мимикрия. Так, обдирая подобье руки о звонкий камень и острую кость, обдирая язык о небо, он научился отгонять тигра голосом льва, загонять бонтебока в ловушку.

Так он назвал зверей их именами. Потому что повторить за кем-то — значит назвать его. А назвать может лишь человек.

Он дал имена воде, ветру, камню. Ибо все, что двигалось, — звучало, а все звучащее было живым.

И, соединив имя зверя и имя камня, он построил фразу: смерть мертва. И, обозначив молчавшую рыбу мычанием, а после шлепнув языком, подобно тому как рыбий хвост шлепает по воде, он произнес: «М-м ль!» — Рыба плеснула.

Так он заговорил. Так проснулась в нем душа.

Любовь-Слово-Душа. Трехединая формула его бытия. Новая тема еще нестарого космоса.

Потом он придумал ракету и сразу забыл — зачем? Но оказалось, что скоро, всего через десятки миллионов лет, земля оледенеет и уйдет. Как некогда море и лес ушли от его предков. И, обдирая разум о парадоксы разума, он стал взрослым.

— Здравствуй, Косьма Индикоплов! —
...не отвечает,
нас не замечает.
— Здравствуй, ну здравствуй, Косьма!
Что там?
— Зима.

2

...зима недаром злится.
Прошла...
ну почему
уже не научиться
старинному письму?

И только в отступленьях
по-лу-ли-ри-чес-ких
мы помним наставленья
наставников своих.

Тачать бы нам трактаты!
Не в такт качать ногой...
Мы в чем-то виноваты
пред лирикой самой.

3

Безначальное Начало
уподоблено ядру.
В хаосе его мотало,
как мочало на юру.
...нет, не годится.
Трехструнная трель балалайки
здесь не проходит.
Начнем по-иному.

Волны, ударьте
в зеленокудрые днища ахейских триер!
Это размер колыбельного колыханья
люльки младенческой. Так, запеленутый в хаос,
Логос недвижимый лежал, непространственным
хаосом сжат.

Ни собеседника не было, ни...

впрочем, верно,

уж улыбнулся читатель,
триеры отправив ко дну.
Сменим волну.

4

Сменим волну.
Поменяем размер.
Сколько же можно стилизоваться?
В архетипичных обносках таскаться,
прятать в тунику электроструну?

Логос,
а если перевести
на современный привычно научный —
протовселенная — в черной горсти
хаоса,
сжата бирюлькой беззвучной.
Логос, прости!

Можно ли?.. Кто мне ответит сейчас —
это подсмотрено в скважину,
или
знали когда-то мы все, но забыли?

...странный какой-то выходит рассказ.

5

Математик скажет — программа.
Биофизик скажет — программа,
генетический — скажет — код.
Кот ученый скажет: — Не слушайте
математика и биофизика.
Вот поэт, он дело сечет! —
А поэт ничего не скажет.
Зато он напишет вирши
про вьюгу и про черешни.
И один себе спать пойдет.
...истины просты.
Пока математик и биофизик
полемизируют до хрипоты,
виршеписец, как живописец,
смотрит холсты снов,
напрочь лишенные слов.

6

Итак, алгоритм продуман.

Кристаллы звездных систем,
цепи метаморфоз,
эволюционных перевоплощений
во времени и пространстве,
которых пока что нет.

И включается свет.
И выплескивается, выплескивается!
Господи! Что творится!
Творится мир из себя.
Захватывает дух.

Хаос теснится в стороны.
Мрак разряжается.
Разрешается плоть материи.
Освобождается дух.

7

Мы появились значительно позже.
Пережидали палящую вьюгу.
После меняли личины и кожи,
Чтобы однажды прорваться друг к другу.
• • • • •

III. НОВАЯ ТЕМА

1

Красит губы наизусть.
Или же совсем не красит.
...что ее так явно красит?
Юность? Или эта грусть?

Или та рифмовка рта
И опущенного взгляда —
Сень иного вертограда,
Что насмешкой заперта.

2

Этих светло-серо-карих,
как булабочки, боюсь.
Новой бабочкой в гербарии
на булабочке верчусь.

И сучу по кругу ножками.
Мну снежок на мостовой.
Но помашешь из окошка мне:
мол, не стой, ступай домой.

3

Ничего не значили слова мои.
Самые-пресамые мои.
Это как при разговоре с мамою.
Отвлеченном.

(Скажем, о любви.)

Скажем о любви!

Вот так и начали
эту песенку в первоначале,
чтобы ничего слова не значили.
Чтобы мы без слов о ней кричали.

IV. ЗВУЧАЩАЯ ЧАША

1

Совершенно неважно — в каком языке
и какая такая эпоха.
Лепесток махаона на тонкой руке
чуть качнется от вздоха.

Как длина высока, широта глубока!
Светотень на сетчатке не тает.
В перцептивном пространстве летят облака,
и зрачок едва попевает.

Так чего же в трехмерности недостает
твоему ненасытному зрению?
Что ты память гоняешь назад и вперед
по четвертому измеренью?

Если стало трюизмом, что мы не умрем,
все — и праведники, и гяуры, —
для чего ты над строчкой соришь словарем
популярно-научной брошюры?

2

Для чего? Сам не знаешь, наверно.
Спор бесплоден. Бесплотен предмет.
Доказал, что пространство эн-мерно, —
Оказалось, что времени нет.

Что сошьешь из мистерии пенной,
Легкий воздух дыханьем рябя,
Если даже генезис вселенной
Все же не объясняет тебя?

Если эту линейную нашу
Обрываешь недлинную нить,
Точно чашу в звучащую чашу,
Душу в душу пытаюсь вложить.

Пробуждаясь и вновь обмирая,
Затеваешь иное шитье.
А по синему — с края до края —
Материнское имя твое.

Да ты же сам хотел
без лирики! Чего же
в продутую дуду
опять завел про то же?

Неужто нам и впредь
домашнего заданья
уже не одолеть
без этого свиданья?

V. КАЛУЖСКАЯ РАДИАЛЬНАЯ

1

«Встретимся под землей.
У первого вагона...»
Господи боже мой!
Какая ирония!

Потусторонний свет.
Посторонние лица.
Милиционер,
дед со своей старухой,
девица...
Соскальзывают с эскалатора
с высоты-темноты.

Все, только не ты.

Значит, ты наверху.
 Значит, тебе некогда.
 Значит,
 как было некогда,
 некуда мне спешить.

VI. ИЗ ЭПИЛОГА

1

И поморщится Индикоплов
 у межзвездно-космической щелки:
 ну при чем тут начало миров —
 и моргающий взгляд из-под челки?

До свиданья, учитель Косьма!
 Мы потом потолкуем об этом.
 На задворках вселенной зима
 наливается мартовским светом.

2

Свойство света —
 проходить сквозь хаос,
 оставляя за собой пространство.

Потому в расширяющейся вселенной
 я губами глаз твоих касаюсь
 сквозь стены-времени-имена,
 поверх «я тебя не люблю»,
 над всеми пожеланиями «большого плавания
 большому кораблю»,

сквозь брызги стекла и шипучки
застолья чужого,
сквозь генезис первопричины,
не объясняющей ничего,
сквозь косноязычие мироздания всего.

3

...запятую каждую вылижешь
да из-под обложки не вылезешь.
Тяжела ты, крышка бумажная,
плоть булыжная, полка книжная!
Обмирает строчка тиражная,
стекленеет, теряет рифму,
самое себя повторяет,
путь проторенный повторяет,
на чужих замирает устах.
А пиита все повторяет...
смотрит вслед и вслед повторяет:
«еже писах — писах».

1983—1984

Колечку бы век не кончаться.
И в сказку с хорошим концом
Мы обречены возвращаться,
Как прежде, с печальным лицом.

И все, что над нами клубится,
И все, что пылает огнем,
Слоями на сердце ложится
И так застывает на нем.

И сколько бы ты обещаний
Себе самому ни давал,
Тут нет и не будет прощаний
Навек. Навсегда. Наповал.

Не вылечит ни расстоянье,
Ни время, ни доблестный дым.
И смутное счастье незнанья
Умыто всезнайством твоим.

Как будто кому-то на память
На каждой песчинке земной
Написано вечное — Память.
И надписи нету иной.

* * *

Ближние огни плывут назад.
Дальние — сквозь них — бегут за нами.
Ближнюю твою вину скостят.
Давнюю, забытую
Слезами,
Ты оплатишь. Но всего верней
Не своими, детскими слезами.
Так ласкай же впрок своих детей.
Дальние огни бегут за вами.

Пролетели снега вдоль земли.
А на самом-то деле
Не ее, но тебя замели.
На зубах заскрипели.

В поле белыми нитками шит
Лисий след, санный полоз.
Не былинкой — былиной дрожит
В срок не срезанный колос.

Ты читал по ладоням веков:
Мор. Крамола. Осада.
Ты хотел прошлогодних снегов?
Позапрошлых — не надо?

Все твои, ни один не сойдет.
В личном круговороте
Где ж обещанный круговорот
В этой самой природе?

В этой самой из самых... Мело.
Да следов только не заметало.
Новый возраст. Второе тепло.
Ты готов — все сначала?

СОДЕРЖАНИЕ

«Отпадает первый лист...»	3
«От того, сколько ты прстоишь у окна...» . . .	3
Авиатор	4
«Все грядущие печали...»	6
Письмо	6
«Не мигая, как будто в гляделки играя...» . . .	7
Колокольчик с Бонапартом	8
Давным-давно	9
Нравоучительное	12
«Ты — в восьмом, я — уже в девятом...» . . .	13
«Вот я целуюсь с девочкой веселой...» . . .	13
Безбожный переулочок	14
Вальсок	14
«Скверик против шахматного клуба...» . . .	15
«Как мамина рука...»	16
Прощание	17
Старинная гравюра	18
«Сто девяносто восемь лет...»	19
«И снова — гарью к потолку...»	20
Экзамен. <i>Гипотеза, часть первая</i>	21
«Вылепился — доверяйся же обжигу!..» . . .	29
Питерские строфы	30
Имена	33

«Варежкой ледяной...»	34
«Наши бедные матери...»	35
Два стихотворения	36
Человек с собакой	38
«Слово есть, а света нет...»	39
«Дизайнеры придумывают время...»	40
«В виде света разной густоты...»	41
«Горят васильки крестоцвета...»	41
«Всего-то уюта...»	42
«Еще ты и не называлась женой...»	42
«Когда этнографы XIX столетия...»	43
«Вот лежит он из-за лишней крошки...»	44
«Руки сцепятся, как реки...»	45
Невеста	46
«Прежде чем затарахтит телефон...»	50
«Недругом была, не другом...»	50
«Ну какая тебе разница...»	51
Письмо второе	52
«Что же там все же...»	53
Вырская станция	54
13 июля 1826 года	59
Кюхля. Диалог в одиночке	59
Гоголь	60
«Дачная местность конца ноября...»	61
«Помочь переболеть...»	62
«Книгами тоже, наверно, нельзя обростать...»	62
«Назначу глиной первый снег...»	63
«Переулок заломлен углом...»	63
«Одну остановку трамваем...»	64
«Остыла самса, позабыт кайтарыш...»	64
Резчиков переулок	65
«Проспект залит асфальтом...»	66
«Ничего мне от тебя не надо...»	67
Приступ	68
«Ты спишь...»	68
«Чего в карманах только нет...»	69

Натюрморт	70
История Изольды (<i>Отрывок</i>)	71
Прошлый	73
Из «Альбома»	75
Объяснение	78
«Страшно снежинке лететь на ладонь...»	79
Волнокачалия	80
Тарусские яблони (<i>Заговор</i>)	81
«...и, семя свое разбросав по земле...»	86
Языки огня. <i>Гипотеза, из части второй.</i>	87
«Колечку бы век не кончаться...»	98
«Ближние огни плывут назад...»	99
«Пролетели снега вдоль земли...»	100

Андрей Юрьевич Чернов

ОТТИСК

М., «Советский писатель», 1984, 104 стр.
План выпуска 1984 г. № 234

Редактор В. С. Фогельсон
Художественный редактор В. В. Медведев
Технический редактор Т. С. Казовская
Корректор Р. Г. Рагимова

ИБ № 4249

Сдано в набор 29.03.84. Подписано к печати 03.08.84. А07404. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Школьная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 4,55. Уч.-изд. л. 3,34. Тираж 18 000 экз. Заказ № 6569. Цена 40 коп. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Типография издательства «Коммунист», 410002, г. Саратов, ул. Волжская, 28

40 к.

